

НАУЧНАЯ СТАТЬЯ

УДК 821.161.1

<https://doi.org/10.20310/2587-6953-2025-11-1-112-123>

Шифр научной специальности 5.9.1

«Хирург» М. Степновой и «Синдром Петрушки» Д. Рубиной как современные образцы «романа творения»

Людмила Евгеньевна Абраменкова

ФГБОУ ВО «Тамбовский государственный университет им. Г.Р. Державина»

392000, Российская Федерация, г. Тамбов, ул. Интернациональная, 33

 luda9898@mail.ru

Аннотация

ВВЕДЕНИЕ. Цель исследования – выявление основных черт, характеризующих современные произведения о творцах, на примере романов М. Степновой «Хирург» и Д. Рубиной «Синдром Петрушки». Проведён сравнительно-типологический анализ указанных произведений как примеров модификации «романа творения». Основанием для сравнения является наличие в качестве центрального героя неординарного художника-творца, сходство сюжетов и системы образов, идейно-художественное родство. **МАТЕРИАЛЫ И МЕТОДЫ.** В исследовании применялись метод описательной поэтики, сравнительно-исторический и мифопоэтический методы. В качестве контекстного материала привлечены произведения русской и зарубежной литературы, посвящённые истории становления творческой личности и воплощения ею оригинальных идей. **РЕЗУЛЬТАТЫ ИССЛЕДОВАНИЯ.** Определены основные характеристики главных героев романов, обозначены концептуальные принципы изображения их судеб, парадоксальности предпринятых ими творческих проектов. Выявлены пути трансформации традиционных сюжетно-образных линий «романа творения», в том числе в соотносённости с мифом о Пигмалионе и Галатее. Уточнены приёмы создания женских образов и принципы формирования любовной линии произведений. Отмечена роль темпоральной организации романов, детективной составляющей, мистических подробностей, музыкальности и цветописи. **ЗАКЛЮЧЕНИЕ.** Практическая значимость проведённого исследования заключается в возможности использования его результатов в практике преподавания современной русской литературы в вузах. Перспективы исследования связаны с дальнейшим уточнением жанровой специфики указанных романов, установлением типологических связей с другими произведениями мировой словесности, созданными в рамках «романа творения», определением ведущих принципов творческого метода авторов.

Ключевые слова: М. Степнова, Д. Рубина, роман творения, система образов, мифологизм, музыкальность, мистицизм

Благодарности. Автор благодарит своего научного руководителя, доктора филологических наук, профессора, профессора кафедры русской и зарубежной литературы Тамбовского государственного университета им. Г.Р. Державина Наталию Владимировну Сорокину за ценные рекомендации по работе над исследованием.

Финансирование. Это исследование не получало внешнего финансирования.

Вклад автора: Л.Е. Абраменкова – концепция исследования, сбор и анализ научной литературы, анализ художественных произведений, написание черновика рукописи, оформление рукописи статьи в соответствии с требованиями редакции.

Конфликт интересов. Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Для цитирования: Абраменкова Л.Е. «Хирург» М. Степновой и «Синдром Петрушки» Д. Рубиной как современные образцы «романа творения» // Неофилология. 2025. Т. 11. № 1. С. 112-123. <https://doi.org/10.20310/2587-6953-2025-11-1-112-123>

ORIGINAL ARTICLE

<https://doi.org/10.20310/2587-6953-2025-11-1-112-123>

OECD 6.02; ASJC 1208

"The Surgeon" by M. Stepnova and "Petrushka Syndrome" by D. Rubina as contemporary examples of "creation novel"

Lyudmila E. Abramenkova

Derzhavin Tambov State University

33 Internatsionalnaya St., Tambov, 392000, Russian Federation

 luda9898@mail.ru

Abstract

INTRODUCTION. The purpose of the research is to identify main features that characterize contemporary works about creators, on the basis of M. Stepnova's novel "The Surgeon" and D. Rubina's "Petrushka's Syndrome". This comparison is substantiated by the presence of an extraordinary artist-creator as the main character, the similarity of the plot and image system, ideological and artistic affinity. **MATERIALS AND METHODS.** The research uses the method of descriptive poetics, comparative-historical and mythopoetic methods. The works of Russian and foreign literature devoted to the history of the formation of a creative person and the embodiment of original ideas by him/her are used as contextual material. **RESULTS AND DISCUSSION.** The leading features of the novels main characters are defined, the conceptual principles of depicting their destinies and the paradoxical nature of the creative projects they undertake are outlined. The ways of transforming traditional plot-figurative lines of the "creation novel" are revealed, including in relation to the myth of Pygmalion and Galatea. The techniques for creating female images and the principles for forming the love storyline of works have been clarified. The role of the temporal organization of the novels, the detective component, mystical details, musicality and color painting is noted. **CONCLUSION.** The practical significance of the conducted research lies in the possibility of using its results during studying modern Russian literature in universities. The prospects of the research are connected with further clarification of the genre specificity of the mentioned novels, establishment of typological connections with other works of world literature created within the framework of the "creation novel", definition of the leading principles of the creative method of the authors.

Keywords: M. Stepnova, D. Rubina, creation novel, image system, mythologism, musicality, mysticism

Acknowledgments. The author expresses gratitude to the research supervisor, Dr. Sci. (Philology), Professor, Professor of the Russian and Foreign Literature Department of the Derzhavin Tambov State University Nataliya V. Sorokina for valuable recommendations in working on the research.

Funding. This research received no external funding.

Author's Contribution: L.E. Abramenkova – research concept development, scientific literature collection and analysis, fiction analysis, writing – original draft preparation, manuscript preparation in accordance with the Editorial requirements.

Conflict of Interests. The author declares no relevant conflict of interests.

For citation: Abramenkova, L.E. "The Surgeon" by M. Stepnova and "Petrushka Syndrome" by D. Rubina as contemporary examples of "creation novel". *Neofilologiya = Neophilology*, 2025;11(1):112-123. <https://doi.org/10.20310/2587-6953-2025-11-1-112-123>

ВВЕДЕНИЕ

Современный писательский, исследовательский, читательский интерес к исключительным судьбам, особым историям породил попытки на основе традиции изложить события нового времени иным, оригинальным, отличным от прежнего способом, выстроить своеобразное «связующее звено между эпохой, в которую непосредственно создаётся художественное произведение, и вечными, бытийными началами, многие из которых по своей сути являются архетипичными и восходят к мифологической древности» [1, с. 106]. Большие потенциальные возможности для этого заключены в особом литературном жанре – жанре «романа творения», в котором писатель воплощает историю становления личности, находящейся в активном творческом процессе. Это повествование о создании «героем-художником особого мира в хронотопе культуры» [2, с. 15].

Традиционно выделяются следующие разновидности жанра «романа творения»: роман о художнике, роман культуры и роман о романе¹. Романы М. Степновой и Д. Рубиной сюжетно примыкают к первой группе. Г.С. Зуева даже называет произведения в жанре романа творения «визитной карточкой» Д. Рубиной [3, с. 247]. Это, однако, не исключает отнесения произведений к иным жанровым дефинициям. Так, например, Н.М. Солнцева определяет «Синдром Петрушки» как психологический роман [4, с. 25], а Ш.А. Мазанов и А.М. Бабаева рассматривают произведение как «роман-метафору» [5].

Произведения М. Степновой и Д. Рубиной, как правило, посвящены незаурядным людям, многие из которых одержимы той или иной страстью. Так, в романе М. Степновой «Женщины Лазаря» (2011) повествуется о математике-гении, а героиня «Сада» (2020) готова пожертвовать многим ради конного дела. Каждый из них, чья судьба находится в центре внимания в трилогии Д. Рубиной «Люди воздуха», является адептом опреде-

лённого ремесла: циркового («Почерк Леонардо», 2008), изобразительного («Белая голубка Кордовы», 2009) или кукольного («Синдром Петрушки», 2010).

В данной работе рассмотрены роман М. Степновой «Хирург» (2005) и роман Д. Рубиной «Синдром Петрушки» (2010) ввиду их значительной сюжетной, образной и поэтологической близости. Оба произведения являются современным переосмыслением «романа творения», что позволяет составить представление о рецепции жанра в литературе XXI века. Исследование путей сохранения и обновления литературных традиций, преемственности и обогащения художественных парадигм, выявление индивидуально-писательского выражения жанровой специфики соотносится с ведущими тенденциями литературоведения и обуславливает актуальность исследования.

Цель исследования – выявление основных черт, характеризующих современные произведения о творцах, на примере романов М. Степновой «Хирург» и Д. Рубиной «Синдром Петрушки».

Конгениальность рассматриваемых произведений ранее обозначалась пунктирно, не становясь самостоятельным предметом рассмотрения [6]. В данном исследовании повествовательная и образная специфика романов проанализирована в широком историко-культурном контексте. Указанные факторы определяют новизну работы.

МАТЕРИАЛЫ И МЕТОДЫ

Помимо обозначенных в цели исследования романов «Хирург» и «Синдром Петрушки», в качестве материала привлекаются произведения русской и зарубежной литературы, тематически и образно примыкающие к жанру «романа творения». Обращение к обширному корпусу текстов (от мифологии до произведений постмодернизма) обусловлено ракурсом исследования.

В основе работы – метод описательной поэтики, сравнительно-исторический и мифопоэтический методы.

¹ Маглий А.Д. Роман о художнике в русской прозе конца XX – начала XXI века: автореф. дис. ... канд. филол. наук. Москва, 2017. С. 13.

РЕЗУЛЬТАТЫ ИССЛЕДОВАНИЯ

Роман о художнике традиционно предполагает наличие таких частей, как жизнеописание (биография души) художника, повествование о его творениях и их трактовка, дискуссия об искусстве. Эти составляющие в романах М. Степновой «Хирург» и Д. Рубиной «Синдром Петрушки» не разграничены. В современном мире размылись границы понятия «художник». Это не обязательно представитель сферы искусства – живописец, писатель, музыкант и т. п. Сейчас художник – это герой, увлечённый своим делом и творчески к нему подходящий, что, безусловно, относится к персонажам названных произведений – как к хирургу Хрипунову, так и к кукольнику Уксусову.

«Хирург» и «Синдром Петрушки» обнаруживают сюжетное сходство, являясь вариацией следующей фабулы: герой с детской травмой встречает наставника, который открывает ему истинное предназначение; герой взрослеет, достигает невероятного уровня мастерства в своём деле, но этого ему недостаточно, он хочет соперничать с Богом, стать создателем невозможного; герою удаётся задуманное, но это приводит к непредсказуемым последствиям. Герои романов – люди, маниакально одержимые своей деятельностью. Кукольник Уксусов стремится создать совершенную куклу, забывая о том, что куклы – это всего лишь подобие человека, а не наоборот. Пластический хирург Хрипунов, изменяя лица людей, мечтает и об изменении всего мира. В определённый момент происходит перестройка сознания как результат профессиональной деформации: герои начинают воспринимать действительность в категориях своего ремесла, пытаются «усовершенствовать» её. Важным становится не само чувство, а процесс творения. Так, Петя Уксусов смотрит на мир взглядом кукольника, всё происходящее, всё пережитое воспринимается им как творческий импульс. Даже неодушевлённый герой представляет как живое с помощью кукол. Хрипунов с минимальным перерывом проводит ряд операций на лице Анны, чтобы достичь пропорций, кажущихся ему идеальными. Петя Ук-

сусов делает из своей партнёрши живую куклу, а впоследствии создаёт куклу, которую сложно отличить от человека и с которой вступает в своеобразные отношения: Эллис становится соперницей Лизы – возлюбленной Пети.

Для главных героев романов их занятие – священнодействие. Лейтмотивы произведений заданы в эпитафиях: «Хрипунову плевать было на людей. Хрипунов хотел стать Богом. Что нужно человеку, решившему стать Богом? Имя. Промысл. Деяние. Жертва. Всё это было у Хрипунова. И он стал Богом. Он. Им. Стал»²; «Однажды, силою своей превращая воздух в воду, а воду в кровь и уплотняя в плоть, создал я человеческое существо – мальчика, тем самым сотворив нечто более возвышенное, чем изделие Создателя. Ибо тот создал человека из земли, а я – из воздуха, что много труднее...» Тут мы поняли, что он (Симон Волхв) говорил о мальчике, которого убил, а душу его взял к себе на службу. *Псевдоклементины (II век н. э.)*³. В этих текстовых преамбулах зафиксированы, прежде всего, амбиции демиурга, желание уподобиться Богу и даже превзойти Его; власть и жертва, которую необходимо принести ради всемогущества; дерзновение, готовность пренебречь важным для обычных людей. Справедливо утверждение М.В. Бочкиной: «Мир, сотворённый героями, является местом, где демиург стремится навязать свою волю в противовес божественной» [7, с. 34].

Однако романские творцы оказываются не готовы к последствиям безграничной власти. Они претендовали на то, чтобы стать богами, но не смогли распорядиться обрётённым могуществом. Так, обновлённая Хрипуновым Анна принесла в мир не покой и гармонию, как рассчитывал хирург, а страдания и смерть. Его двойник Хасан ибн Саббах оставляет после себя империю воинов, которой, как он знает, суждено погибнуть.

² Степнова М.Л. Хирург. Москва: Изд-во АСТ: Ред. Елены Шубиной, 2022. С. 5. В дальнейшем цитируется это издание с указанием страниц в тексте.

³ Рубина Д.И. Люди воздуха. Трилогия в одном томе. Москва: Изд-во Э, 2015. С. 687. В дальнейшем цитируется это издание с указанием страниц в тексте.

Управляя другими, земные творцы-художники сами несвободны. Вместе с тем способность героев видеть то, что недоступно другим, подчёркивает их исключительность. Но важно, что марионетками оказываются и герои-творцы, как и все персонажи, они «подобны марионеткам авторакукловода, который распределил роли между ними» [5, с. 47]. Дар становится для Аркадия и Пети проклятием, от него невозможно избавиться, он обрекает их на служение ему. Противоречивость героев, сочетание «гениальной инфантильности, воплотившейся в творческой одержимости» [4, с. 25], и изначальной, очевидной для большинства обречённости их идеи составляет парадоксальность и трагизм жизни художников.

Эта линия усилена мотивом богоборчества, не осознаваемого героями. Оно не связано, как у Фауста, типологически близкого творцам героя трагедии И.В. Гёте, с желанием расширить горизонты познания. Аркадий Хрипунов и Петя Уксусов подчиняют мир собственным законам. Талант героев имеет мистическую окраску, инфернален по своей природе. То, что в других вселяет ужас, у них вызывает искренний интерес. С детства героев окружает смерть. Творцы проходят инициацию ею. Маленький Аркадий почти умирает (впадает в кому), но остаётся в живых. Наставником будущего хирурга становится патологоанатом. Петя, увидев мёртвую мать Лизы, не убегает в страхе, а с упоением отмечает копну рыжих волос и кукольность погибшей. И Хрипунов, и Уксусов пытаются оживить неживое, находят гармонию в мёртвом, уходя от действительности: Аркадий счёл самым прекрасным лицо покойницы, увиденной в морге; Петя нашёл гармонию в кукле Эллис. Инферальность героев усилена рядом подробностей. В романе «Хирург» сообщается, что у Аркадия не было души (вечный слуга Исам не обнаруживает её у маленького Хрипунова): после смерти героя тот угол, где она должна была оказаться, пуст. В облике, казалось бы, менее монструозного Пети Уксусова иногда проступает нечто хищническое, а его способность говорить во время представлений на других языках (при этом герой в обычной жизни даже

испытывает трудности, делая заказ в иностранном ресторане) Лиза считает «бесовской» (с. 693).

Особое значение в данном случае приобретают предметные детали. В частности, знак дома в Праге, где живут Петя и Лиза, – это агнец (с. 720). Контекст очевиден: агнец – символ жертвенности. В конце главы, в которой об этом сообщается, друг семьи доктор Горелик задаётся вопросом, кто из двоих: Лиза или Петя – жертва. Творцы в произведениях, принося в жертву близкого человека, сами являются, как отмечалось выше, несвободными, обречёнными на служение своему ремеслу. Название последней части романа «Хирург» – «Жертва» – в данном контексте становится полисемантическим.

Содержательно романы М. Степновой и Д. Рубиной наследуют традиции творения в самом широком смысле слова. Развивая «тему красоты и мотив сотворения существа, которое воспринимается как произведение искусства» [8, с. 251], авторы обращаются к мифу о Пигмалионе и Галатее, изложенному древнеримским поэтом Овидием в «Метаморфозах», пьесе Б. Шоу «Пигмалион». В исследовании Ю.Ф. Панибратовой верно подмечено, что миф о Пигмалионе в современной прозе подвергается деконструкции: Пигмалион и Галатея обрели счастье, новые герои лишаются его [6, с. 144-145]. Сюжет самого успешного и любимого номера кукольника Петра – танца – это чувственная история Пигмалиона и Галатеи. Однако наблюдается ситуация, обратная отражённой в мифе: герои не оживляют статую, а, напротив, стремятся превратить живого человека в нечто застывшее, неземное. Эллис, в отличие от других творений кукольника, не является «смешным, тёплым, причудливым созданием» (с. 723). Так же и улыбка Анны в романе «Хирург»: она завораживает, подчиняет, позволяет испытать счастье, которое, однако, сопряжено с мукой и гибелью и не несёт подлинного тепла. Значимым является тот факт, что сила улыбки Анны действует только тогда, когда она счастлива (влюблена). Сила любви, в отличие от истории Пигмалиона и Галатеи, в данном случае разрушительна.

Любовная линия в обоих случаях оказывается тесно связанной с профессиональной. Героям не важны личности женщин. Хирург Хрипунов обратил внимание на Анну, так как её лицо напомнило ему о том идеально гармоничном, которое являлось в видениях. Хрипунов осознаёт, что не любит Анну и, посчитав эксперимент неудачным, думает, как «спихнуть её такую – недоделанную – в новую жизнь, минимизировав все душевные расходы» (с. 242). Петя («Синдром Петрушки») с детства видел в Лизе прежде всего куклу. При изображении героини глазами Уксусова постоянно отмечается её принадлежность кукольному миру, подчёркивается, что она создана для этого ремесла. Женщины интересуют творцов постольку, поскольку способствуют реализации их замыслов и позволяют проводить над собой эксперименты. В данном контексте становится понятным, почему у Лизы и Пети рождается больной ребёнок: это плод противоестественной связи «живой куклы» и человека. Поэтому можно лишь отчасти согласиться с мнением о том, что «на примере истории главной героини показывает любовь мужчины и женщины как полноценное и постоянно развивающееся взаимное чувство» [9, с. 178]. От союза богов и смертных, согласно мифам, рождались Гераклы. Новые демиурги или вовсе не оставляют потомства (как Хрипунов), или проходят через страшные испытания (как Уксусов).

Героям, как представляется, близок символистский взгляд на женщину как воплощение Мировой Души, Вечной Женственности. Это музы, воплощающие совершенство, которое они ищут и обретают. Хирург и кукольник не понимают, что перед ними земные женщины с земными потребностями. Кроме того, герои присваивают, как они полагают, Музу себе, лишают её свободы. В таких условиях она теряет привлекательность, а они приступают к поискам нового воплощения Вечной Женственности. За неуважительное отношение и попытку подчинить Муза мстит сурово: Аркадий Хрипунов, создавший девушку с убийственной улыбкой, умирает; Петя теряет любимую куклу Эллис. У кукольника остаётся семья, рождается дочь (будущая кукла), но он по-

прежнему достигает высшего счастья только в танце с пустотой. Это то самое воплощение Музы, иные ипостаси которой представлены в образах мёртвой девушки и женщины из видений в романе «Хирург», а также куклы Эллис в романе «Синдром Петрушки». Муза будто отражается в ряде зеркал. Попытки придать вдохновению, творческому импульсу овеществлённую форму не могут увенчаться успехом. Получается или убийственная улыбка Анны, или пугающая натуралистичностью кукла Эллис.

Ю.М. Лотман отмечал, что мертвенность куклы особенно явно обнаруживается, когда её пытаются максимально уподобить человеку, живому существу, сопоставить её с ним [10]. В романе такое сравнение реализуется в целом ряде эпизодов, связанных с самой совершенной куклой Петра – Эллис. Эллис является точной копией жены Петра Лизы. Ю.В. Несынова в работе «Мотив кукольности в романе Д. Рубиной «Синдром Петрушки» утверждает, что Лиза воспринимается как «некукла», а создание Эллис объясняется осознанием Петей того, что Лиза куклой быть не может [11, с. 77]. Однако очевидно, что Петя и после появления Эллис обращается к Лизе как к кукле, отмечает именно её кукольную сущность. Более того, Лиза, несмотря на постоянные попытки бунта, в некотором смысле признаёт свой статус куклы, ведь она начинает соперничать с Эллис, как и Петя, одушевляет её.

В двух романах система образов выстроена так, что в центре оказываются герой-гений и женщина-объект его преобразования, сначала покорная, затем своенравная. Есть товарищ-помощник (Арсен в «Хирурге» и доктор Горелик в «Синдроме Петрушки») и наставник (дядя Саша для Хрипунова и Казимир Матвеевич для Пети). В произведениях создана разветвлённая система двойников главных героев (помимо явных пар Хрипунов – Саббах, Уксусов – «комический Петрушка, сопровождающий Петра всю жизнь» [12, с. 46], Лиза – Эллис): Хасан ибн Саббах – дядя Саша – Аркадий Хрипунов – Арсен Медоев; загадочная женщина в видениях Старца Горы – девушка в морге – Анна («Хирург»); Симон Волхв – отец Пети – Казимир Мат-

веевич – Петя Уксусов; мать Лизы – Лиза – Эллис («Синдром петрушки»). К двойникам Лизы логично относят и «родильных кукол», найденных Петром в фамильной реликвии» [13, с. 188]. Именно «мотив двойничества <...> становится ключом к пониманию конфликта в произведениях <...> Персонажи утверждаются как исключительные личности, непонятые, одинокие и живущие в совершенно ином измерении, чем обычные люди» [14, с. 147].

Действительно, все герои существуют в особом пространственно-временном континууме. Справедливо замечено, что «пространство романа представляет собой большую и сложную систему пространств, образуемую «львовскими», «пражскими», «берлинскими», «израильскими» и «южно-сахалинскими» главами, и за каждым из этих локусов закреплены свои художественные задачи и смыслы» [15, с. 58]. Д. Рубина в книге-рефлексии «Одинокий пишущий человек» замечает, что её особенно привлекает прошлое⁴. Это объясняет темпоральную организацию романов (не только романа Д. Рубиной): большая их часть посвящена становлению героев и загадкам прошлого. Настоящее и прошлое существуют рядом, отголоски минувшего преследуют героев и определяют их жизнь. В произведениях реализуется мифологический сюжет о богинях судьбы Мойрах. Историческое время в романах с его ярко выраженными приметами и типами сочетается со временем мифологическим, в котором разворачивается не менее важная история: история душ героев, их внутренней борьбы и поисков. Историческое время циклично: это отражено в сценарии Лизы и Пети, в образе вечного города Феремова, где меняются люди, но не порядки. В романе «Хирург» подчеркнута типичность места: Хрипунов, возвращаясь на машине с похорон матери, видит такой же город, как и его родной Феремов. Это реализация традиционного для реализма русской литературы топонима – провинциального города N.

Наконец, сюжет романов характеризуется ярко выраженной театральностью: многое

происходит автоматически, будто по сценарию (хулиганы регулярно бьют стёкла в квартире учительницы Марии Исааковны, Лиза постоянно «окончательно» расстаётся с Петей). Меняются времена, но типы – нет. Прежние роли исполняют другие люди. Нередко героям хочется примерить на себя новую роль. В частности, для феремовских хулиганов возможность почувствовать себя нужными, вставив стёкла после погрома, – настоящее чудо (с. 10). В произведениях немало мистических совпадений. Например, Хрипунов встречает Анну в общежитии на бывшей улице Гайдара. Мать героя по прибытии в новый дом находит «Голубую чашку» Аркадия Гайдара; во время родов обложка именно этой книги, как вспышка, мелькает перед глазами, и она называет сына именно так. Имя выделяет его среди остальных, спасает от типичной судьбы рабочего Ивана. Этот (пусть бессознательный) творческий акт, пожалуй, стал главным в жизни матери Аркадия.

Ключевую роль в сюжете произведений играет семейная тайна. В романе «Хирург» свидетелем расцвета и вырождения рода ибн Саббаха становится инфернальный слуга Исам, в «Синдроме Петрушки» – кукла Корчмарь. Важно, что в этих случаях надежда на продолжение рода связана исключительно с представительницами женского пола: род Старца Горы, согласно предсказанию, должен прерваться рождением мальчика; у родственников Лизы только девочки рождались без синдрома Ангельмана.

Справедливо подчёркивается Ю.Ф. Панибратовой исключительность героя романа М. Степновой, неспособность Хрипунова к подлинно человеческим отношениям, основанным на привязанности, в том числе к родителям [6, с. 144]. Обособленность героев от кровных родственников призвана обозначить их инаковость, принадлежность к другому миру. Они находят наставников в людях, которые также выделяются на общем фоне: патологоанатоме дяде Саше и кукольнике Казимире Матвеевиче. Попыткой преодоления детского опыта, запоздалого бунта или бессознательного страха для Хрипунова стал бросок кирпичом в окно опустевшей родительской квартиры.

⁴ Рубина Д.И. Одинокий пишущий человек. Москва: Эксмо, 2020. С. 304.

Герои находятся вне рамок привычной этики. Этим объясняется и то, что творцов нельзя отнести к культурным героям. Они трикстеры. Несмотря на явное любование, с которым изображены Аркадий и Петя в процессе работы, в их образах немало сниженных подробностей. Герои неуклюжи, неприметны вне своего ремесла. Окружающим они нередко кажутся не вполне вменяемыми. Э.Ф. Шафранская справедливо отмечает, что в мифологии трикстер часто предстаёт в виде животного [16, с. 189]. В облике как хирурга, так и кукольника есть нечто общее – хищническое. Достаточно вспомнить орлиный профиль Пети Уксусова. Орнитологический код важен и в романе «Хирург»: у матери Хрипунова «глаза феникса» (с. 35). Даже в такой простой женщине, работнице столовой, скрыта вековая тайна. Кроме того, данная деталь, свидетельствуя о загадке происхождения матери героя, связывает Аркадия с далёким предком ибн Саббахом.

«Роман творения» генетически связан с космогоническими мифами, а также с религиозными жанрами исповеди и жития. Описание первых лет жизни в агиографии было призвано подчеркнуть исключительность будущих святых, которых ещё в детстве сопровождали некие знаки. Данная традиция востребована современными произведениями о творцах (достаточно вспомнить роман Е.Г. Водолазкина «Лавр», наследующий каноны агиографической литературы). Стремясь объяснить особенности героев, их ярко выраженную инаковость, авторы подробно рассказывают о детстве творцов. Этапы жизни Хрипунова, обозначенные в эпиграфе и названиях частей («Имя», «Промысл», «Деяние», «Жертва»), отсылают к Новому Завету. Однако Хрипунов жертвует не собой ради спасения человечества, а другими людьми.

Приметой современного «романа творения», новаторским элементом стала значительная роль детективной составляющей в сюжете. В романе М. Степновой напряжённость сохраняется благодаря тому, что практически до конца неясно, какое отношение история Хасана ибн Саббаха имеет к линии Хрипунова. Более того, если в начале главы о них чередуются, то в третьей части их исто-

рии рассказываются нередко в рамках одной главы, между ними стирается грань. В романе «Синдром Петрушки» загадкой, разрешающейся не сразу, становится тайна семейной куклы («идола») Корчмаря. Одна история, рассказанная разными героями, обретает законченный вид ближе к концу произведения. Авторы вводят определённые детали, полунамёки, сохраняя интригу.

Вместе с тем романы, поднимающие серьёзные вопросы и повествующие об исключительно одарённых людях, лишены торжественности, патетики повествования. Это видно в некоторых фрагментах изображения главных героев, например: Петрушкой называет себя герой Д. Рубиной; немало сниженно-физиологических подробностей есть в описании появления Аркадия Хрипунова на свет, что вовсе не соответствует каноническому рождению демиурга. Фамилии героев (Уксусов и Хрипунов) имеют сниженные коннотации: герой «Синдрома Петрушки» является полным тёзкой персонажа народного кукольного театра, весельчака и трикстера; фамилия Хрипунов вызывает ассоциации с проблемами со здоровьем.

Повествование в романах имеет достаточно ироничный характер, что в классическом романе творения представить сложно. Возможно, сказывается влияние постмодернистской эстетики. Связь с постмодернизмом логична, ведь зарубежные постмодернисты активно осваивали традицию романа о художнике. Ярким примером является роман П. Зюскинда «Парфюмер», где показано, как творец пренебрегает этическими нормами. Сюжетно-образные параллели (одарённый самородок; наставник; стремление во что бы то ни стало, ценой любых жертв реализовать свои творческие потенции) очевидны. В романах М. Степновой и Д. Рубиной многое подвергается снижению. Ирония заключается даже в незначительной детали: Хрипуновы живут на улице Дружбы, хотя соседские отношения никак нельзя назвать дружескими.

Помимо иронии, поэтологической доминантой романа «Синдром Петрушки» является музыкальность. Йенские романтики создали концепцию *мир есть музыка*. Д. Рубина, имеющая консерваторское образование, в

данном случае следует традиции. Она неоднократно в интервью называла любимым писателем А.П. Чехова, использовавшего музыкальные лейтмотивы, в частности, в пьесе «Вишнёвый сад». Герои романа «Синдром Петрушки» говорят мелодично, напевно. Речь кукольника Пети Уксусова, обращаясь к перчаточной кукле Наоми, звучит подобно музыке благодаря ассонансу – протяжному произнесению гласных. В романе «Синдром Петрушки» музыкальным лейтмотивом выступает джазовая композиция «Минорный свинг» Джанго Рейнхардта. Под эту мелодию Петя Уксусов ставит номер сначала с женой, а затем с куклой-заместителем Лизы Эллис. Музыка соответствует пафосу романа: для неё характерны трагизм, грусть и в то же время чувственность. Это неведомый зов, преследующий героя. Услышав мелодию, виртуоз-кукольник, как марионетка, начинает двигаться в такт.

Можно говорить и об отчётливом цветовом коде произведений. Один из показательных примеров – цвет глаз героев: у Пети Уксусова глаза седые, что выступает признаком определённой нездешней мудрости, «цвета густого тумана» (с. 690). Важную роль играют оттенки красного цвета. В романе «Хирург» у героя и загадочной женщины оранжевые глаза, в романе «Синдром Петрушки» не раз подчёркивается огненно-рыжий цвет волос героини. Также оранжевый ассоциируется с солнцем. В романе именно луч является одной из форм присутствия высших сил в жизни героев. Данный цвет становится символом неизвестного, манящего и в то же время опасного. Красный – цвет крови. Рыжие волосы героини романа Д. Рубиной напоминают Пете об увиденном в детстве самоубийстве первой «куклы» – матери Лизы. Вместе с тем огненный цвет служит родовой меткой, отличительным знаком всех женщин в семье Лизы.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Современный роман о художнике как разновидность «романа творения» сочетает в себе традиции и их преодоление. Героем всё чаще может быть не только писатель или ху-

дожник, но и математик (роман М. Степновой «Женщины Лазаря») или хирург.

Несмотря на сохранение традиционной фабульной схемы (напряжённые поиски исключительно талантливого человека), роман о художнике трансформируется в роман о демиурге, претендующем на всемогущество. Классический герой «романа творения» ищет способы реализовать талант, персонажи же современной литературы тяготеют своим уникальным даром.

Современные романы о художнике отличаются заострением экзистенциальной проблематики. Прежде всего, это соотношение форм бытия, осязаемого и иллюзорного. Для кукольника Пети Уксусова иллюзорное реальнее осязаемого, что доказывает его танец с пустотой в эпилоге как квинтэссенция диссонанса сознательного и бессознательного, настоящего и искусственного.

В центре современных произведений не только демиург, создатель, но и тот, на кого направлен его творческий импульс, – женщины. В сюжетном отношении героини оказываются тем самым *Deus ex machina*: Галатея Хрипунова, обладательница убийственной улыбки, становится причиной гибели хирурга, а Лиза уничтожает самое совершенное творение Пети. Являясь воплощением Музы, неуловимой Вечной Женственности, они выступают мерилем человечности поступков героев и карают возлюбленных.

Романы М. Степновой и Д. Рубиной становятся мифами о сотворении художниками не только другого существа, но и собственной личности. Аркадий Хрипунов и Петя Уксусов достигают высокого уровня мастерства, однако подлинные тайны так и остаются тайнами.

Рассмотренные романы сложно соотносить с одним художественным методом: в них сочетаются традиции романтизма, на время расцвета которого приходится зарождение жанра «романа творения», реализма с узнаваемыми ситуациями, героями и местами, модернистская символичность и постмодернистская ирония. Принадлежность произведений к магическому реализму является одним из перспективных путей изучения рома-

нов, на что неоднократно уже указывали исследователи [17; 18].

Романы «Синдром Петрушки» Д. Рубиной и «Хирург» М. Степновой с полным основанием можно назвать мультикультурными. Значительное место отводится древним мировоззренческим системам: языческой (Симон Волхв в эпиграфе к роману Д. Рубиной) и средневековой (Хасан ибн Саббах в «Хирурге»). Эти, казалось бы, противоположные по системе ценностей культуры оказываются во многом соотнесёнными. В произведениях сформулированы языческий, христианский и мусульманский подходы к

тому, что значит стать Богом. Первый заявлен в цитате из «Псевдоклементин», второй реализован в истории государства низаритов, третий отражён в линии Аркадия Хрипунова. Общая их формула так или иначе сводится к фрагменту эпиграфа к «Хирургу»: «Имя. Промысл. Деяние. Жертва» (с. 5).

Задача современных писателей состоит не в том, чтобы изобрести фабулу, а в том, чтобы обогатить существующую накопленным культурой опытом и изложить известную историю новым языком, что ярко представлено романами М. Степновой «Хирург» и Д. Рубиной «Синдром Петрушки».

Список источников

1. Веселова О.Н. Проблема традиции в современном литературоведении // Учёные записки Орловского государственного университета. Серия: Гуманитарные и социальные науки. 2011. № 2 (40). С. 106-114. <https://elibrary.ru/ogkgip>
2. Бочкарёва Н.С. Роман о художнике как «роман творения»: генезис и поэтика. Пермь: Изд-во Перм. ун-та, 2000. 252 с.
3. Зуева Г.С. Истоки романа творения в прозе Дины Рубиной // Славянский мир: духовные традиции и словесность: сб. материалов Междунар. науч. конф. Тамбов: Принт-Сервис, 2017. С. 247-251. <https://elibrary.ru/yztvxv>
4. Солнцева Н.М. Репутация куклы. Москва: Водолей, 2016. 176 с. <https://elibrary.ru/ygqgcz>
5. Мазанаев Ш.А., Бабаева А.М. «Синдром Петрушки» Дины Рубиной как роман-метафора // Вестник Дагестанского государственного университета. Серия 2. Гуманитарные науки. 2018. Т. 33. Вып. 1. С. 45-51. <https://doi.org/10.21779/2542-0313-2018-33-1-45-51>, <https://elibrary.ru/xsqcvf>
6. Панибратова Ю.Ф. Сюжет творения в современной женской литературе (на материале романов М. Степновой «Хирург» и О. Славниковой «2017») // Филология и культура. 2022. № 3 (69). С. 141-145. <https://doi.org/10.26907/2074-0239-2022-69-3-141-145>, <https://elibrary.ru/nzltps>
7. Бочкина М.В. Влечение к смерти в романе М. Степновой «Хирург» // Профессорский журнал. Серия: Русский язык и литература. 2023. № 1 (13). С. 32-35. <https://doi.org/10.18572/2687-0339-2023-1-32-35>, <https://elibrary.ru/tifwzb>
8. Громова А.В. Роман М. Степновой «Хирург» в историко-культурном контексте // Пушкинские чтения – 2021. Художественные стратегии классической и новой словесности: жанр, автор, текст: материалы 26 Междунар. науч. конф. Санкт-Петербург, 2021. С. 247-260. <https://elibrary.ru/pbusmj>
9. Ли Ли, Чжан Лися. Лингвокультурологическое поле женского сознания в романе Дины Рубиной «Синдром Петрушки» // Вестник Московского университета. Серия 9. Филология. 2023. № 4. С. 172-184. <https://doi.org/10.55959/MSU0130-0075-9-2023-47-04-15>, <https://elibrary.ru/rhvbim>
10. Лотман Ю.М. Куклы в системе культуры // Лотман Ю.М. Избранные статьи: в 3 т. Таллинн: Александра, 1992. Т. 1. С. 377-380.
11. Несынова Ю.В. Мотив кукольности в романе Д. Рубиной «Синдром Петрушки» // Филологический класс. 2015. № 2 (40). С. 75-81. <https://elibrary.ru/uborvv>
12. Зарубина Е.В. Кукольность как мотив двойничества в романе Дины Рубиной «Синдром Петрушки» // Наука, образование и культура. 2019. № 5 (39). С. 45-47. <https://elibrary.ru/xajdgs>
13. Меркель Е.В., Тулушева Е.С. Персонажная систематика в трилогиях Дины Рубиной 2000–2010-х годов // Научный диалог. 2020. № 12. С. 185-195. <https://doi.org/10.24224/2227-1295-2020-12-185-195>, <https://elibrary.ru/zgjfdd>
14. Злотникова Т.С., Соболева М.А. Мотив двойничества в художественном мире Д. Рубиной // Верхневолжский филологический вестник. 2020. № 1 (20). С. 143-148. <https://doi.org/10.20323/2499-9679-2020-1-20-143-148>, <https://elibrary.ru/jusruc>

15. Левина П.А., Перепёлкин М.А. Самара в романе Дины Рубиной «Синдром Петрушки» // Семиотические исследования. 2023. Т. 3. № 4. С. 57-64. <https://doi.org/10.18287/2782-2966-2023-3-4-57-64>, <https://elibrary.ru/hegyzs>
16. Шафранская Э.Ф. Синдром голубки (Мифопоэтика прозы Дины Рубиной). Санкт-Петербург: Своё изд-во, 2012. 470 с. <https://elibrary.ru/yzwxnj>
17. Сильчева А.Г. Мистический реализм в русской литературе XX–XXI веков: случай Дины Рубиной. Москва: МАКС Пресс, 2023. 180 с. <https://elibrary.ru/vaeruu>
18. Сорокина Н.В., Абраменкова Л.Е. Традиции магического реализма в романе Дины Рубиной «Почерк Леонардо» // Неофилология. 2019. Т. 5. № 20. С. 518-525. <https://doi.org/10.20310/2587-6953-2019-5-20-518-525>, <https://elibrary.ru/jgzghf>

References

1. Veselova O.N. The problem of tradition in modern literary criticism. *Uchenye zapiski Orlovskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Gumanitarnye i sotsial'nye nauki* = *Scientific Notes of Orel State University*, 2011, no. 2 (40), pp. 106-114. (In Russ.) <https://elibrary.ru/ogkgip>
2. Bochkareva N.S. *The Novel About the Artist as a "Novel of Creation": Genesis and Poetics*. Perm, Perm State University Publ., 2000, 252 p. (In Russ.)
3. Zueva G.S. The origins of the novel of creation in the prose of Dina Rubina. *Sbornik materialov Mezhdunarodnoi nauchnoi konferentsii «Slavyanskii mir: dukhovnye traditsii i slovesnost'»* = *Collection of Materials of the International Scientific Conference "Slavic world: Spiritual Traditions and Literature"*. Tambov, Print-Servis Publ., 2017, pp. 247-251. (In Russ.) <https://elibrary.ru/yztvxv>
4. Solntseva N.M. *Puppet's Reputation*. Moscow, Vodolei Publ., 2016, 176 p. (In Russ.) <https://elibrary.ru/yggqcz>
5. Mazanaev Sh.A., Babaeva A.M. "The Puppet syndrome" by Dina Rubina as a metaphorical novel. *Vestnik Dagestanskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 2. Gumanitarnye nauki* = *Herald of Dagestan State University. Series 2. The Humanities*, 2018, vol. 33, issue 1, pp. 45-51. (In Russ.) <https://doi.org/10.21779/2542-0313-2018-33-1-45-51>, <https://elibrary.ru/xsqcvf>
6. Panibratova Yu.F. The plot of creation in modern women's literature (based on the novels "The Surgeon" by M. Stepnova and "2017" by O. Slavnikova). *Filologiya i kul'tura* = *Philology and Culture*, 2022, no. 3 (69), pp. 141-145. (In Russ.) <https://doi.org/10.26907/2074-0239-2022-69-3-141-145>, <https://elibrary.ru/nzltps>
7. Bochkina M.V. Death drive in the novel by M. Stepnova "The Surgeon". *Professorskii zhurnal. Seriya: Russkii yazyk i literature* = *Professor's Journal. Series: Russian and Literature*, 2023, no. 1 (13), pp. 32-35. (In Russ.) <https://doi.org/10.18572/2687-0339-2023-1-32-35>, <https://elibrary.ru/tifwzb>
8. Gromova A.V. M.M. Stepnova's novel "The Surgeon" in the context of Russian and world literature. *Materialy 26 Mezhdunarodnoi nauchnoi konferentsii «Pushkinskie chteniya – 2021. Khudozhestvennye strategii klassicheskoi i novoi slovesnosti: zhanr, avtor, tekst»* = *Proceedings of the 26th International Scientific Conference "Pushkin Readings – 2021. Artistic Strategies of Classical and New Literature: Genre, Author, Text"*. St. Petersburg, 2021, pp. 247-260. (In Russ.) <https://elibrary.ru/pbusmj>
9. Li Li, Chzhan Lisy. Linguoculturological field of female consciousness in Dina Rubina's novel *Punch syndrome*. *Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 9. Filologiya* = *Moscow University Philology Bulletin*, 2023, no. 4, pp. 172-184. (In Russ.) <https://doi.org/10.55959/MSU0130-0075-9-2023-47-04-15>, <https://elibrary.ru/rhvbim>
10. Lotman Yu.M. A puppet in culture system. In: *Lotman Yu.M. Selected Works: in 3 vols*. Vol. 1. Tallinn, Alexandra Publ., 1992, pp. 377-380. (In Russ.)
11. Nesynova Yu.V. Puppet motive in the novel by D. Rubin "Punch's syndrome". *Filologicheskii klass* = *Philological Class*, 2015, no. 2 (40), pp. 75-81. (In Russ.) <https://elibrary.ru/uborvv>
12. Zarubina E.V. Puppetry as a motif of duality in Dina Rubina's novel "Punch's syndrome". *Nauka, obrazovanie i kul'tura* = *Science, Education and Culture*, 2019, no. 5 (39), pp. 45-47. (In Russ.) <https://elibrary.ru/xajdgs>
13. Merkel E.V., Tulusheva E.S. Character taxonomy in Dina Rubina's trilogies of the 2000s–2010s. *Nauchnyi dialog* = *Scientific Dialogue*, 2020, no. 12, pp. 185-195. (In Russ.) <https://doi.org/10.24224/2227-1295-2020-12-185-195>, <https://elibrary.ru/zgjfdg>

14. Zlotnikova T.S., Soboleva M.A. Duality motif in Dina Rubina's artistic world. *Verkhnevolzhskii filologicheskii vestnik = Verhnevolzhski Philological Bulletin*, 2020, no. 1 (20), pp. 143-148. (In Russ.) <https://doi.org/10.20323/2499-9679-2020-1-20-143-148>, <https://elibrary.ru/jusrue>
15. Levina P.A., Perepelkin M.A. Samara space in Dina Rubina's novel "Petrushka's syndrome". *Semioticheskie issledovaniya = Semiotic Studies*, 2023, vol. 3, no. 4, pp. 57-64. (In Russ.) <https://doi.org/10.18287/2782-2966-2023-3-4-57-64>, <https://elibrary.ru/hegyzs>
16. Shafranskaya E.F. *The Dove Syndrome: Mythopoetics of Dina Rubina's Prose*. St. Petersburg, Svoe izdatelstvo Publ., 2012, 470 p. (In Russ.) <https://elibrary.ru/yzwxnj>
17. Silcheva A.G. *Mystical Realism in the Russian Literature of the XX-XXI Centuries: the Case of Dina Rubina*. Moscow, MAKSS Press Publ., 2023, 180 p. (In Russ.) <https://elibrary.ru/vaeruu>
18. Sorokina N.V., Abramenkova L.E. Magical realism traditions in the Dina Rubina's novel "Style of Leonardo". *Neofilologiya = Neophilology*, 2019, vol. 5, no. 20, pp. 518-525. (In Russ.) <https://doi.org/10.20310/2587-6953-2019-5-20-518-525>, <https://elibrary.ru/jgzhif>

Информация об авторе

АБРАМЕНКОВА Людмила Евгеньевна, научный сотрудник Международного научного центра изучения творческого наследия Е.И. Замятина, Тамбовский государственный университет им. Г.П. Державина, г. Тамбов, Российская Федерация, <https://orcid.org/0000-0003-0561-5963>, luda9898@mail.ru

Поступила в редакцию 12.12.2024

Поступила после рецензирования 14.02.2025

Принята к публикации 06.03.2025

Автор прочитал и одобрил окончательный вариант рукописи.

Information about the author

Lyudmila E. Abramenkova, Research Scholar at the International Scientific Center for the Study of E.I. Zamyatin's Creative Heritage, Derzhavin Tambov State University, Tambov, Russian Federation, <https://orcid.org/0000-0003-0561-5963>, luda9898@mail.ru

Received 12.12.2024

Revised 14.02.2025

Accepted 06.03.2025

The author has read and approved the final manuscript.